

Ломтики ароматной улитки в винном осадке

Чжао Байлу была дочерью Чжао Дэшоу — человека, которому Янь Чжэнь был обязан жизнью.

Когда-то его, едва живого, бросили умирать в открытом море. Именно этот отец с дочерью выловили его и вывели. Целых два месяца он провел в тесной каюте, пропитанной запахами рыбы, машинного масла и соленой морской влаги.

Чжао Дэшоу когда-то был «босоногим врачом». В молодости он лечил людей в деревнях провинции Миньчжоу, но из-за своей прямолинейности перешел дорогу кому-то влиятельному. Его ложно обвинили в халатности, лишили практики и буквально выставили на улицу. Оставшись без средств к существованию, он был вынужден забрать маленькую дочь и отправиться в море, промышляя рыболовством.

За годы практики он накопил немало собственных рецептов: травы, иглоукалывание, массаж... Лишь благодаря этому скромному мастерству ему удалось буквально вырвать Янь Чжэня из лап смерти.

Там не было антибиотиков или стерильных операционных. Только свежий морской бриз и настои из неведомых трав. Но были грубые, но уверенные руки старика и жидкая каша с запахом тины, которую каждый день приносила Чжао Байлу. Именно эта забота помогла офицеру пережить период восстановления и ломки, который был мучительнее самой смерти.

Отец и дочь были честными людьми, доходящими в своей простоте до некоторого упрямства. Спасши такого «золотого гуся», как Янь Чжэнь, они ни разу не заикнулись о вознаграждении. В их бесхитростном мире спасение человеческой жизни было самоцелью, а не поводом для наживы.

Вернувшись после отставки в Киото, Янь Чжэнь не забыл об этом тяжком долге. Время от времени он отправлял им посылки с действительно нужными вещами: качественные снасти, прочные тросы, продукты длительного хранения и базовые, но эффективные медикаменты. Он выбирал то, что могло облегчить их жизнь, но при этом не заставило бы Чжао Дэшоу чувствовать себя неловко.

Так они и поддерживали связь — благородную дружбу людей, понимающих друг друга без лишних слов.

Всё изменилось полмесяца назад. Годы изнурительного труда в море и затаенная в сердце горечь окончательно подкосили Чжао Дэшоу. Во время очередного выхода на промысел у него случился внезапный сердечный приступ. Рыболовецкое судно находилось слишком далеко от берега, и помощь опоздала. Дочь, подавив в себе безграничную печаль, справилась с похоронами и только после этого решила сообщить своему «брату Яню».

За то время, что мужчина провел на их лодке, он успел хорошо изучить ситуацию. У Байлу не осталось родных, а от жизни в современном обществе она была бесконечно далека. Со смертью отца молодая девушка не смогла бы и дальше зарабатывать на жизнь рыболовством. Поэтому, получив сообщение, Янь Чжэнь без тени сомнения рванул в тот далекий рыбацкий порт Миньчжоу.

Прибыв на место, он с некоторым облегчением обнаружил, что девушка не впала в полное отчаяние. Трагедия заставила её повзрослеть за одну ночь. Она проявила недюжинную рассудительность: продала шхуну и даже записалась на онлайн-курсы, надеясь выучиться на бухгалтера.

Первоначальный план офицера был прост: убедиться, что она в безопасности, оставить сумму, которой хватило бы на обучение и покупку маленького домика в городке, а затем через связи подыскать ей стабильную работу поблизости. Это стало бы его последним подношением духу Чжао Дэшоу.

Однако на следующее утро после прибытия в порт, когда он по привычке рано встал для практики Искусства Сокрытия Металла, Янь Чжэнь ощутил нечто странное. Едва уловимый холодок из соседней комнаты коснулся его восприятия.

Поставив сумки, Янь Чжэнь подошел к стойке и, наклонившись к хозяину гостевого дома, крайне тихо прошептал:

— Мне кажется... у неё Небесный духовный корень. Я не совсем уверен, согласишься?

«Небесный духовный корень?»

«Ты что, думаешь, они в огороде как капуста растут? Что ни возьми — всё Небесный корень?»

Ань Сынянь перестал заполнять книгу учета и небрежно выпустил тонкую нить духовной энергии. В то же мгновение ледяной холод, словно поднявшийся из глубин вечного ледника, обладающий надменной «живой искрой», ударил по этой нити прямо в его духовное сознание!

Надо же, и вправду. Причем это был редчайший, мутировавший вариант. На Земле, в этом бесплодном месте без капли маны, подобный талант был просто кощунственным расточительством природы.

— Я чувствую колебания стихии воды, но сама аура очень холодная и жесткая. Совсем не как у А Гуана. Она чем-то напоминает мою собственную. Разве у Небесного корня не должно быть только одного типа колебаний? — с недоумением спросил офицер.

— Верно. Это ледяной Небесный духовный корень, мутация водного типа. А кажется он тебе «похожим», потому что твоя конституция сама по себе склоняется к холоду, — пояснил Ань Сынянь. — Ты от природы близок к острым, разящим энергиям Металла и Льда.

Закончив объяснение, хозяин снова взглянул на Янь Чжэня. Глядя на этих двоих, столь разных по внешности и характеру, было ясно, что никакого кровного родства между ними нет.

— И всё-таки, откуда взялась эта «сестра»?

Янь Чжэнь придвинулся ближе — настолько, что почувствовал едва уловимый древесный аромат, исходивший от выющихся волос Сыняня. Он максимально понизил голос:

— На самом деле она дочь моего спасителя. Но старый Чжао перед смертью строго-настрого запретил Байлу упоминать об этом долге. Ты спросил так внезапно, вот я и ляпнул первое, что пришло в голову.

Он замялся, а затем добавил:

— Не мог бы ты...

Мужчина посмотрел в глаза Сыняня — чистые, словно вобравшие в себя сияние тысячи звезд. Офицер сглотнул, чувствуя прилив странного бессилия. Как это выразить? Его помыслы не были кристально чистыми: здесь смешались и предусмотрительность, и личное желание отплатить за добро.

Следственная группа по особым делам уже засветилась здесь, а значит, аномалии этого места не останутся тайной надолго. Перед мощью государственной машины рано или поздно всё станет явным. И хотя это не обязательно сулило беду, а его семья имела определенный вес в Киото, Янь Чжэнь привык полагаться только на себя. Сила должна быть в своих руках.

В конце концов, годы работы под прикрытием навсегда изменили его характер. Он больше не был тем самоотверженным идеалистом, готовым бездумно броситься в огонь ради великой цели. Поэтому, обнаружив рядом преданного человека с таким талантом, он тут же решил привести её к Сыняню.

Но едва начав просить, он осекся. Это выглядело так, будто он навязывает Хозяину Ань выплату собственного долга. К тому же у него самого здесь еще не было четкого статуса — так с какой стати ему просить Сыняня брать учеников?

«Ладно, пусть Ань Сынянь решает сам. В конце концов, Байлу ни о чем не подозревает. Если не судьба, просто найду ей хорошую школу бухгалтеров».

Ань Сынянь видел его нерешительность и всё понимал. Честно говоря, окажись они на

Континенте Цзюи, за обладателя мутировавшего ледяного корня великие ордена передрались бы в кровь. До вольного совершенствующегося вроде него очередь бы точно не дошла.

Путь совершенствования хоть и ведет к Истине, но не избавлен от житейского прагматизма. Древнее правило «Богатство, Соратники, Техники, Место» — в нем под «соратниками» подразумеваются не только возлюбленные, но и все, кто идет рядом, поддерживая друг друга. Помощников много не бывает, особенно сильных. С ними проще делить тяготы долгого пути.

И вот такой самородок сам пришел к его порогу...

Сынянь еще раз взглянул на девушку. Та с робким любопытством и некоторой неловкостью тайком рассматривала убранствогостевого дома. Он не стал долго раздумывать. Духовное сознание пришло в движение, аура утяжелилась. Он применил «Вопрошание к Сердцу».

Янь Чжэнь увидел, как в глазах хозяина на миг вспыхнул изумрудный свет. В него нельзя было вглядываться — сияние закручивалось воронкой, способной, казалось, вытянуть саму душу.

В то же мгновение Чжао Байлу замерла, словно превратившись в изваяние. Её глаза расширились, а в зрачках отразилось видение, которое она не могла бы даже вообразить: скованные льдом бездны, ревушая метель и она сама, дрожащая от холода. Каждая её жилка, каждый волосок застыли — она даже перестала дышать.

Янь Чжэнь терпеливо ждал. Прошло меньше двух минут, и он услышал голос Сыняня:

— Что ж, любопытно. Если хочешь, оставайся. Будешь отвечать за стойку регистрации. Та пустая комната на первом этаже теперь твоя. Маловата, конечно, но уж не обессудь.

«И всё? Вот так просто согласился?»

Ань Сынянь достал из ящика ключи, а на губах его играла вполне довольная улыбка. Офицер почувствовал легкий укол любопытства — что же такое эта девчонка показала в иллюзорном мире, раз так угодила хозяину?

Для Чжао Байлу кошмарное видение схлынуло, как прилив. Тело обмякло, она пошатнулась и потрясенно уставилась на собеседника:

— Это... что это было? Я спала? Было так холодно... так страшно!

Янь Чжэнь едва заметно качнул головой, успокаивая её и одновременно предостерегая:

— Всё в порядке, Байлу. Не бойся и не спрашивай. Позже я всё объясню, а пока обустройвайся.

Он помолчал и, указав на Ань Сыняня, торжественно произнес:

— Да, и вот еще что. Это Хозяин Ань. Отныне... называй его Наставником.

— Наставником? — Байлу замерла в полном замешательстве. Она переводила взгляд с офицера на этого невероятно красивого мужчину, совершенно не понимая, что происходит.

Янь Чжэнь не стал больше ничего объяснять. Он подхватил два тяжелых чемодана и направился к комнате персонала на первом этаже. Девушка послушно последовала за ним, но всё равно не удержалась от тихого ворчания:

— Наставник? Какой еще наставник? Он что, дипломированный бухгалтер? Брат Янь, я же хотела бухгалтерию учить...

Мужчина чуть не расхохотался от её заторможенной реакции. Колкое замечание застряло в горле, но из уважения к памяти её отца он сдержался.

«Эта девчонка что, совсем без царя в голове? Неужели не поняла, что сейчас произошло нечто из ряда вон выходящее?» Она и не подозревала, как ей повезло. Шанс, о котором другие не смеют и мечтать, сам упал ей в руки — нужно лишь почтительно позвать его учителем. А она еще и недовольна...

Ему хотелось встряхнуть её и спросить, не соленой ли водой забита её голова.

Поворчав про себя, он вдруг подумал о своем положении. Посыльный есть, подсобный на кухне есть, теперь и администратор нашелся. А что останется делать ему? Неужели он действительно будет просто бездельником?

От этой мысли стало тоскливо. А тоска порождает раздражение. Он обернулся и негромко прикрикнул:

— Всё, хватит болтать! Живо прибирайся в комнате!

Если она промедлит еще немного и ляпнет что-нибудь не то, Наставник может и передумать. Янь Чжэнь прибавил шаг.

Когда спустя некоторое время они вышли из комнаты, взгляд Чжао Байлу полностью изменился. От былой растерянности не осталось и следа. Теперь в её глазах светилось глубокое, искреннее почтение.

Она подошла к Ань Сыняню, сделала глубокий вдох и звонко произнесла:

— Наставник! Доброго дня, Наставник!

Голос её был чистым, полным девичьей энергии — никакой робости или жеманства. Затем она повернулась к Лян Чэню, который как раз выходил из кухни, и так же решительно добавила:

— Здравствуй, Старший брат!

Лян Чэнь, собиравшийся протереть стойку, замер с тряпкой в руке. Он озадаченно моргнул. Великан посмотрел на Сыняня, на офицера и, наконец, на девушку. «Ничего себе! Я всего пару дней как в учениках, а уже Старший брат?»

«У меня появилась сестренка!»

Он расплылся в широчайшей улыбке:

— Здра-здравствуй, Младшая сестра!

Его зычный голос заставил воду в чаше с рыбками на стойке пойти рябью. Хозяин Ань едва сдержал смех при виде этого добродушного недотепы.

Янь Чжэнь, наблюдая за этой идиллией, приуныл еще больше. Ну вот, теперь и иерархия устоялась. Похоже, он тут единственный посторонний.

Впрочем, его печаль осталась незамеченной. Лян Чэнь, словно заведенный, принялся натирать столы, а Сынянь начал объяснять Байлу её обязанности. Работа была несложной: отвечать на звонки, регистрировать гостей, следить за заказами в сети.

Несмотря на скромное образование, девушка оказалась сообразительной. Она задавала вопросы по существу и быстро схватила суть процесса. Разобравшись, она заметно расслабилась — оказывается, быть администратором совсем не страшно! К тому же гости приходят не каждую минуту, а в свободное время можно спокойно учиться на онлайн-курсах.

Ань Сынянь тоже был доволен. Глядя на серьезное и воодушевленное лицо девушки, он невольно улыбнулся.

«Удачно вышло. Одним махом получил и талантливую ученицу, и администратора, и будущего бухгалтера».

Что до зарплаты — с учетом бесплатного жилья и питания, он решил положить ей четыре

тысячи. Чуть меньше, чем у Лян Чэня. Сынняя позабавило то, что эти двое с таким рвением взялись за работу, даже не спросив об оплате. Святая простота.

Видя, как его обитель наполняется людьми, он понял: пора расширять бизнес. Нужно было заняться продажами через стримы. Овощей пока едва хватало для гостей, но мята и ромашка разрослись так буйно, что пора было реализовывать излишки.

На следующее утро, когда небо едва начало светлеть, на террасе сада уже было трое практикующих.

Янь Чжэнь стоял в беседке подле корневой сети Сяо Ин. Прямой, как натянутая струна, с закрытыми глазами, он казался частью утреннего ветра. Тонкое металлическое лезвие порхало между его пальцев, словно серебристая бабочка, оставляя в воздухе лишь мерцающие следы. Траектория каждого движения была выверена до миллиметра.

Стоило металлу коснуться его ладони, как холодная сталь, словно живая плоть, начинала деформироваться, превращаясь в короткое жало. Затем — вдротики, шипы, кинжалы, сабли... Формы сменяли друг друга, пока в зазоре между пальцами не замер серебряный костяной гвоздь — Шосин, самый смертоносный клык, порожденный его телом.

Неподалеку, в углу у стены, примостился Лян Чэнь. Его массивная фигура выглядела неуклюже, но лицо выражало предельную сосредоточенность. Он глубоко погрузил ладони в почву, на тыльной стороне рук проступили бурые вены, похожие на дождевых червей. Он старался пробудить отклик земли, направляя внутреннее тепло вглубь сада. Несколько песчинок лениво подпрыгнули и замерли. Гигант нахмурился и запустил руки еще глубже.

Чжао Байлу наблюдала то за одним, то за другим. Наставник вчера передал ей базовые техники, но она еще не вошла в нужное состояние, а потому не могла сосредоточиться. От нечего делать она подошла к бассейну и принялась лениво пускать по воде пузыри.

Прозрачные шарики воды, подхваченные её пальцами, сверкали в лучах зари. Она с удовольствием разбивала их, наблюдая за брызгами. В какой-то момент инстинктивный холод вырвался из её рук. Водяной пузырь мгновенно превратился в ледяной шар и, сорвавшись с пальцев, полетел в сторону беседки...

Янь Чжэнь услышал свист воздуха за спиной. Не оборачиваясь, он сделал резкий выпад. Костяной гвоздь в его руке вспыхнул золотом и с хирургической точностью рассек преграду. Ледяная жемчужина размером с крупный глаз разлетелась надвое: одна половина испарилась, а вторая по инерции отлетела в угол сада.

— Ой!

Снаряд угодил точно в лоб Лян Чэню.

Когда Ань Сынянь открыл дверь спальни, он увидел великана, который со слезами на глазах обиженно смотрел на Янь Чжэня, не смея высказать своего возмущения.

— Наставник, доброго утра!

— Наставник, доброе утро!

Лян Чэнь и Байлу заговорили почти одновременно. Голос одного был гулким и слегка гнусавым от обиды, а голос другой — чистым, но с ноткой вины.

— Утро, — Сынянь окинул их взглядом, сделав вид, что не заметил «ледяного покушения». — Завтракали?

— Уже поели! Наставник, а вам что приготовить? — Лян Чэнь быстро смахнул слезы грязной рукой, размазав землю по лицу, и широко улыбнулся. — Я когда шел, брат передал торт. В пекарне на улице как раз достали из печи, сладкий-сладкий! Хотите торт с молоком? Или спуститься и сварить вам танъюань?

— Кто же ест такую приторную сладость с утра пораньше... — проворчала Байлу, бросив на него косой взгляд, и тут же елейным голосом обратилась к хозяину: — Наставник, я приготовила кашу тинцзай. Попробуете мою стряпню?

Ань Сынянь улыбнулся. Вообще-то он уже завтракал, но, глядя на это состязание за его внимание... пожалуй, можно было и поесть еще раз.

— Хорошо, попробуем кашу Байлу, а торт Лян Чэня оставим для послеобеденного чая.

Окруженный учениками, хозяин спустился вниз. Янь Чжэнь остался в беседке в одиночестве, чувствуя странный привкус во рту.

В столовой Сынянь оценил старания девушки — каша была превосходной: ароматной, нежной, приятно согревающей желудок. В качестве ответного жеста он решил приготовить на обед два классических блюда провинции Миньчжоу — ломтики ароматной улитки в винном осадке и утку с имбирем.

Около одиннадцати на кухне закипела работа. Под виртуозными взмахами ножа нежное мясо превращалось в ломтики, прозрачные и легкие, словно снежинки. Красный винный осадок был мелко порублен, аромат шаосинского вина подчеркивал его вкус. Когда ломтики улитки

коснулись раскаленного вока, они мгновенно окутались ярко-красной глазурью, распространяя вокруг неповторимый винный аромат и нежную сладость.

Это блюдо — «Ломтики ароматной улитки в винном осадке» — славилось своей хрустящей текстурой и изысканным вкусом. Поданное на блюде цвета холодного нефрита, оно напоминало распустившийся алый пион.

С уткой с имбирем всё было проще. Старый имбирь, целые зубчики чеснока и кунжутное масло томились на медленном огне вместе с птицей, пока мясо не стало нежным, а соус — густым и насыщенным.

Когда обед был подан, аромат заполнил весь дом. У Чжао Байлу, впервые видевшей кулинарное мастерство Наставника, глаза полезли на лоб. Лян Чэнь усиленно сглатывал слюну, ерзая на стуле, а старый даос Ли Баоэр, вцепившись в пустую миску, не сводил глаз с тарелки с улитками, держа палочки наготове.

Внезапно Ань Сынянь посмотрел на дверь. Спустя пару секунд снаружи раздался вызывающий рев мощного мотора.

Байлу еще не успела среагировать, как Янь Чжэнь уже поднялся и направился в холл. Он открыл дверь. На площадке перед усадьбой красовалась щегольская красная «Феррари», из которой выходил мужчина лет тридцати.

В руках он держал стильную дорожную сумку. Внешне он казался заурядным, но в его осанке и одежде сквозил лоск «элиты». Виски и аккуратные усики были тщательно подстрижены, а обтягивающая розовая футболка подчеркивала рельефные мышцы.

Янь Чжэнь сухо спросил:

— Вы к нам? Бронировали номер?

Мужчина не ответил. Его узкие глаза скользнули поверх плеча офицера в зал и внезапно вспыхнули.

— Няньнянь!

«Няньнянь?»

Это фамильярное, интимное прозвище больно резануло слух Янь Чжэня.

Он резко обернулся к хозяину гостевого дома. Лицо Сыняня оставалось спокойным, но в тот же миг от него исходила такая колоссальная, подавляющая мощь, что у присутствующих невольно

подкосились ноги.

Сердце офицера пропустило удар, но давление исчезло так же быстро, как и появилось. Остальные трое за столом даже ничего не заметили — видимо, удар был направлен точно.

— Ой!

Вошедший мужчина не просто пошатнулся — его колени подогнулись, и он рухнул прямо на плитку холла. Он пытался что-то сказать, но из его горла вырывался лишь судорожный хрип. Его лицо стремительно наливалось багровым, а глаза были полны ужаса.

В наступившей тишине Ань Сынянь медленно поднялся. На его лице застыло выражение вежливой озабоченности:

— Ох, кажется, гостю стало плохо. Вы ешьте, а я посмотрю.

Он спокойно направился к выходу.

Лян Чэнь и Байлу послушно кивнули, но к еде не прикоснулись. Даос Ли Баоэр нехотя поставил миску, продолжая сверлить взглядом тарелки.

В холле, по мере приближения хозяина, глаза стоящего на коленях мужчины расширялись всё больше. В них читался страх, смешанный с каким-то странным узнаванием и обидой.

«Брат Янь, ну ты даёшь», — мягко упрекнул Сынянь, — «гость упал, а вы даже не поможете ему подняться. Земля ведь холодная».

Янь Чжэнь еще не пришел в себя от радости, что его впервые назвали «братом», а Сынянь тем временем наклонился к мужчине. В его ладони на миг блеснула изумрудная искра. Короткий взмах — и он прижал к предплечью гостя странный зеленый листок. Тот вспыхнул на секунду и растворился.

Сразу после этого Сынянь ловко выудил из рук мужчины смартфон. Прижал палец гостя к сенсору, разблокировал экран и быстро нашел свой контакт.

Удалить.

Хм, название группы — «Не ел»? В этой папке его номер значился единственным. После удаления группа опустела.

Ань Сынянь бросил взгляд на соседние папки: «Фастфуд», в которой значились «Сяо А», «Сяо

Пи», «Фаньфань», «Милашка-курьер»...

Отвратительно. После развода с женой этот тип окончательно пустился во все тяжкие.

Сынянь с брезгливостью погасил экран и вернул телефон владельцу. Он невольно спросил себя: насколько же он был слеп тогда, если считал этого человека «порядочным»?

Спустя мгновение мужчина поднялся. Его лицо выражало полное недоумение. Он оглядывался по сторонам, явно не понимая, как здесь оказался. Его взгляд, теперь настороженный и враждебный, остановился на хозяине.

— Где я? Кто вы такие? Что вы задумали?

Ань Сынянь убрал руки за спину. Его голос звучал непривычно холодно:

— Это гостевой дом, господин Люй. Если вам здесь не нравится — дверь прямо за вашей спиной. И потрудитесь следить за языком, не стоит бросаться обвинениями.

— Люй... Откуда вы знаете мою фамилию? Мы знакомы? Почему я вас не помню?

Люй Вэньбинь подозрительно оглядел хозяина усадьбы. Тот был вызывающе красив: тонкие черты лица, безупречная кожа, статная фигура. Именно такие были в его вкусе. Неужели они пересекались раньше? Может, какой-то забытый роман или неудачное свидание?

Но который же из тех смазливых ноликов это был? Таковую внешность невозможно просто так выбросить из памяти. Как бы он ни старался, в голове была лишь пустота.

<http://bllate.org/book/15856/1500022>